

На правах рукописи

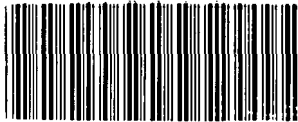

Окуловская Светлана Владимировна

**ЛЕКСИКА ВЕРХНЕУНЖЕНСКИХ КОСТРОМСКИХ ГОВОРОВ
В АСПЕКТЕ ЕЁ ЭТНОДИАЛЕКТНЫХ
И СИСТЕМНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ
(на материале произведений И. М. Касаткина и живых говоров)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

008700789

20 ФЕВ 2010

Вологда – 2018

Работа выполнена на кафедре отечественной филологии
ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет»

Научный руководитель: Ганцовская Инна Семёновна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет», профессор кафедры отечественной филологии

Официальные оппоненты: Мызников Сергей Алексеевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт лингвистических исследований Российской Академии наук, заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН

Андреева Елена Павловна, кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева»

Защита состоится 25 марта 2019 года в 10 00 на заседании диссертационного совета Д 999.014.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций на базе ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет», ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина» по адресу: 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, ауд. 240.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке (г. Вологда, ул. Орлова, 6) и на сайте ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет» (<http://vogu35.ru>)

Материалы к защите размещены на официальном сайте Вологодского государственного университета: <https://vogu35.ru/zashchita-dissertatsij-d-999-014-03>

Автореферат разослан 17 февраля 2019 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

Л. Ю. Зорина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Необходимость изучения лексического богатства диалектов продиктована его огромным потенциалом для раскрытия исторических языковых процессов, для решения многих теоретических проблем региональной лингвистики, неразрывно связанных с изучением духовной и материальной культуры народа.

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению лексического своеобразия северо-восточных костромских говоров, расположенных по верхнему течению р. Унжи. Находясь на границе, с одной стороны, с территорией бывшего Владимиро-Суздальского княжества, центра формирования великорусской народности, с другой стороны, соседствуя с территориями Русского Севера, в ареальном плане данная зона представляет интерес как пограничная между центральными и периферийными говорами. С точки зрения диалектологии и этнографии, река Унжа является тем рубежом, по которому проходят важные культурные и диалектные различия, и если говоры, расположенные западнее её течения, достаточно хорошо исследованы, то специфика восточных костромских заунженских говоров, особенно в части лексики, требует дальнейшего изучения и детального описания.

Актуальность данной работы определяется тем, что северо-восточные костромские говоры играли важную роль в истории русского языка, однако до сих пор они не были объектом комплексного монографического исследования. Проблеме описания лексики народных ремёсел края, его территориальных и социальных диалектов были посвящены работы А. В. Громова (1969, 1992, 2000, 2005). Многие аспекты изучения лексики поунженских говоров были раскрыты в исследованиях, посвящённых творчеству кологривского писателя Е. В. Честнякова (Ганцовская 2007, 2015; Веселова 2010, 2013; Образцова 2007). Определённые сведения о словарном составе северо-восточных костромских говоров можно почерпнуть из различных лексикографических произведений и картотеки костромского областного словаря. Однако системное изучение их лексических особенностей до сих пор оказалось не охваченным специальным монографическим исследованием. Материал требует систематизации, обобщения и привлечения новых данных, в том числе для уточнения статуса и типологических характеристик данных говоров.

К настоящему времени сформировалась практика исследования лексических особенностей говоров с учётом материалов произведений

местных писателей, богатые контексты которых помогают всестороннему раскрытию лексико-семантических связей и оппозиций. Данные текстов художественной литературы использовались при изучении и лексикографическом описании говоров Среднего Урала (СРГСУ) и Забайкалья (СРГЗ), донских (СРДГ; СРДГ-2; БТСДК; Кудряшова 2013; Рудыкина 2008), алтайских (СРГА; Воробьева 2002), вологодских (Яцкевич 2004; Паникаровская 1970), орловских (Бахвалова 2010; Попова 2013), тульских (СТГ; Красовская 2011) говоров. Исследование лексики говоров Костромской области проводилось с привлечением лингвистических данных произведений А. О. Аблесимова (Дмитрук 2011, 2012), А. Н. Островского (Верба 2006; Ганцовская 2000), Е. В. Честнякова (Образцова 2007; Ганцовская 2007; Виноградова 2013; Веселова 2010; Неганова 2008), С. В. Максимова, Л. С. Китициной (Виноградова 2013), Н. Н. Виноградова (Ганцовская 2003, 2008), Н. А. Некрасова (Ганцовская 2002; Малышева 2005).

В качестве отправной точки исследования и главного источника в настоящей работе используются материалы произведений И. М. Касаткина, уроженца д. Барановицы Кологривского уезда Костромской губернии. Верификация языкового материала, извлечённого из текстов рассказов писателя, позволяет говорить о его произведениях как о ценном и надёжном источнике изучения лексики поуженских говоров. Разносторонняя историко-филологическая и этнодиалектная информация этого источника даёт возможность выполнить полномасштабное исследование костромских верхнеуженских говоров с учётом совокупности знаний о живых говорах данного региона на основе полевых и других материалов интра- и экстралингвистического характера в тесной связи с географией, историей, этнографией; что способствует решению многих собственно лингвистических вопросов.

Объектом исследования является лексика и фразеология костромских северо-восточных говоров в районе верхней Унжи (территории современных Кологривского и Межевского районов).

Предметом исследования служат структурно-семантические особенности лексики и фразеологии северо-восточных костромских говоров, её арсальные связи.

Материал для исследования был получен методом сплошной выборки из произведений И. Касаткина и составляет 714 лексических единиц и 37 фразеологических выражений, ставших своего рода базовым словником, в соответствии с которым привлекались и прорабатывались данные диалектных словарей и материалы полевой практики (в том числе

фонетические, морфологические, словообразовательные, лексико-семантические варианты слов), в результате чего полный список вовлечённых в исследование слов составил более полутора тысяч лексем. Для получения дополнительных сведений были использованы данные исторических, этнографических и этимологических словарей.

Основная цель работы состоит в выявлении структурно-семантических особенностей костромской лексики, исследуемой в масштабе говоров Верхнеунженской этнодиалектной зоны, специфики её внутреннего функционирования и ареальной направленности.

Достижение данной цели предполагает решение следующих задач:

1) обосновать необходимость использования текстов произведений И. М. Касаткина в качестве источника изучения северо-восточных костромских говоров и охарактеризовать их место в системе других материалов;

2) выявить репертуар костромской лексики и фразеологии в произведениях И. Касаткина, определить тематические и лексико-семантические группы лексики, системные отношения в сфере семантики и особенности словообразовательной дистрибуции;

3) на базе выявленного материала проработать данные диалектных словарей и полевые записи народной речи, определив структурно-семантические особенности северо-восточной костромской лексики различных тематических и лексико-грамматических групп, её ареальную дистрибуцию и функционирование в современных костромских говорах;

4) уточнить место лексики изучаемой территории в системе русских народных говоров, сделав вывод относительно типологических характеристик северо-восточных поунженских костромских говоров как единой этнодиалектной зоны;

5) описать принципы составления диалектного словаря по данным авторского источника, разработать проект словаря поунженских говоров на материале текстов И. Касаткина и представить его словарные статьи.

Новизна работы определяется тем, что впервые в монографическом плане производится системный анализ лексики северо-восточных поунженских костромских говоров, а также тем, что исследование проводится в аспекте функционирования говоров в составе особой этнодиалектной зоны. Новым является и источник их изучения — произведения И. М. Касаткина. В научный оборот вводится значительный объём лексики и фразеологии северо-востока Костромского Заволжья с её структурно-семантическими особенностями, деривационными и ареальными связями.

В работе использованы следующие методы: сбор материала осуществлялся методом сплошной выборки из произведений И. Касаткина; были применены методы дескриптивного, лингво-географического, сравнительно-исторического, компонентного, сравнительно-сопоставительного с привлечением приёмов словообразовательного, этимологического и контекстуального анализа материала. Также использовался метод этнолингвокультурологического анализа, предполагающего интерпретацию языкового материала на основе привлечения сведений по истории, культуре, данным организации быта и промыслов соответствующего субэтноса.

В основу исследования положена следующая гипотеза:

Лексика северо-восточных поунженских костромских говоров, не имея значительных отличий от лексики соседних территорий, обнаруживает своеобразные черты, как на уровне макросистемы, так и отдельных её подсистем, различных тематических групп в плане их номинативных и семантических качеств, деривационных и ареальных связей, особенностей функционирования, что связано с особенностями историко-культурного развития региона. Материалы рассказов И. М. Касаткина, отражающие лексику говора в пору его наиболее консервативного состояния, в совокупности с данными живых поунженских говоров способствуют выявлению данных особенностей, установлению лексических связей говоров Верхнего Поунжья преимущественно с говорами Русского Севера, а также уточнению типологических характеристик костромских говоров в районе верхней Унжи, занимающих особое место в диалектном членении русского языка.

Теоретико-методологической базой исследования явились работы А. Ф. Войтенко, Н. С. Ганцовой, А. С. Герда, Г. Г. Мельниченко, С. А. Мызникова, Г. В. Судакова, Н. И. Толстого и др., признающих значимость лексики для ареальной классификации диалектного континуума; использовалась методика системного описания и анализа диалектной лексики, разработанная в трудах Р. И. Аванесова, Е. П. Андреевой, О. И. Блиновой, Е. В. Брысиной, Н. С. Ганцовой, Л. Ю. Зориной, Р. И. Кудряшовой, Г. Г. Мельниченко, С. А. Мызникова, Е. А. Нефёдовой, Ф. П. Сороколетова и др.; был сделан упор на теоретические положения, выдвинутые Е. Л. Березович, Т. И. Вендиной, А. С. Гердом, Д. К. Зелешным, С. И. Котковым, И. А. Поповым, Н. Н. Пшеничновой, Г. А. Хабургаевым и другими исследователями в работах по славянской этнолингвистике, исторической лексикологии, лингвогеографии. Также мы ориентировались на

труды, посвящённые вопросам общей, диалектной и авторской лексикографии Ю. Д. Апресяна, Т. В. Бахваловой, И. П. Вербы, В. В. Виноградова, Н. С. Ганцовой, Л. Ю. Зоринной, Л. Л. Шестаковой и др.

Теоретическая значимость работы. Материал диссертационного исследования содействует разработке таких теоретических проблем современной региональной лингвистики как: разработка диалектного членения русского языка; выявление этнодиалектных культурных зон в связи с определением особенностей семантики, структуры и ареальных связей лексики данной территории; разработка принципов создания областного авторского словаря. Также затронута проблема изучения языка писателя в качестве источника получения сведений о лексическом своеобразии региона. В научный оборот вводятся материалы произведений И. М. Касаткина совместно с материалами полевой практики и другими источниками, обосновывается их научная и практическая ценность.

Научно-практическая значимость работы состоит в возможности использования её материалов для разработки словаря поунженских костромских говоров, для пополнения лексических ресурсов уже существующих диалектных словарей, расширения их иллюстративной зоны. Определённый вклад вносят они в разработку карт Лексического атласа русских народных говоров. Также результаты исследования могут найти практическое применение при разработке вузовских курсов по истории языка, диалектологии, лексикологии, культурологии, спецкурсов по изучению языка писателя, диалектной и авторской лексикографии.

Соответствие паспорту специальности. Отраженные в диссертации научные положения соответствуют паспорту специальности 10.02.01 – «Русский язык», в частности следующим областям исследования: пункт 2. Два объекта истории русского языка: Живой язык (диалектный) и литературный язык. Восточнославянская этноязыковая общность и проблемы ее генезиса. Пункт 6. Исследования в области русской языковой картины мира.

Личный вклад автора заключается в следующем:

Дана целостная многоаспектная характеристика особой этнодиалектной зоны, находящейся в верхнем течении р. Унжи.

В научный оборот введён значительный объём не рассматриваемого ранее лексического материала благодаря привлечению новых источников.

Впервые произведён системный анализ лексики крайней северо-восточной части поунженских костромских говоров. Предложен комплексный подход к описанию материала, способствующий

всестороннему раскрытию специфики лексики – её структурно-семантических, этнодиалектных и ареально-типологических характеристик.

На основании выявленных лексических данных уточнено место поунженских костромских говоров в диалектном членении русского языка.

Положения, выносимые на защиту:

1. Произведения И. М. Касаткина характеризуются точной и убедительной подачей языковых фактов, насыщены ценным областным лексическим материалом и содержат важные для диалектологии, лексикологии и лексикографии сведения относительно состава, семантики и функционирования в речи лексики костромских поунженских говоров, благодаря чему способны стать исходной систематизирующей основой изучения их словарного состава.

2. Отобранный лексическо-фразеологический материал играет важную роль в определении типологических черт говоров рассматриваемой зоны, их места в диалектной системе русского языка. Вкупе с данными полевых исследований произведения И. М. Касаткина дают информацию об этнических, культурных и языковых процессах на исследуемой территории, выявляя генетические связи северо-восточных поунженских костромских говоров с архаичными говорами Русского Севера и с центральными русскими говорами.

3. Языковая специфика рассматриваемой территории в совокупности со сведениями экстралингвистического характера (история освоения края, географические и этнокультурные особенности) позволяют говорить о ней как об особой этнодиалектной зоне, имеющей черты сходства и различия с окружающими территориями. По сравнению с более западными и южными костромскими говорами, всё стремительнеедвигающимися в сторону центральных говоров, поунженские обладают большей устойчивостью языковой системы, во многом сохраняющей древнее её состояние, в том числе, и элементы угро-финского субстрата. Уникальность рассматриваемой территории подчёркивается лексическими индикаторами, представленными в рассказах И. М. Касаткина.

4. Широкий тематический и лексико-грамматический диапазон, многогранность лингвистических данных и реалистически точная передача диалектных особенностей поунженской речи даёт основание говорить о творческом наследии И. М. Касаткина как о достойном материале для лексикографической разработки, которая, несомненно, пополнит представления о диалектной лексике поунженских говоров и станет существенным вкладом в изучение лингвогеографических особенностей региона.

Апробация работы. Основные положения работы представлены в докладах и сообщениях автора на следующих конференциях: Всероссийском диалектологическом совещании «Лексический атлас русских народных говоров» (Санкт-Петербург, 2009, 2016, 2017, 2018); Всероссийской научно-практической конференции «Русские народные говоры: прошлое и настоящее» (Кострома, 2014); X Международной научной конференции «Своё» и «чужое» в культуре» (Петрозаводск, 2015); Международной научной конференции «Живое народное слово и Костромской край» (Кострома, 2016); Международной научно-практической конференции «Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом, народно-разговорном дискурсах» (Кострома, 2016); Международной научной конференции «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования» (Витебск, 2016).

Результаты диссертационного исследования отражены в 10 публикациях, включая 4 статьи в журналах, входящих в Перечень изданий, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка используемой научной литературы, списка словарей и их условных сокращений и приложений, включающих: словарь диалектной лексики, извлечённой из произведений И. Касаткина; фрагмент Словаря поунженских говоров; административные карты Костромской области и Костромской губернии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, её новизна, определяются объект, предмет и методы исследования, формулируются его цель и задачи, определяется теоретическая и практическая значимость полученных результатов, излагаются основные положения, выносимые на защиту.

В Главе I «Теоретические предпосылки изучения лексики северо-восточных костромских говоров» рассматриваются общие теоретические вопросы, связанные с изучением диалектной лексики в этнолингвистическом аспекте; определяется и характеризуется исследуемый ареал; даётся обзор источников изучения северо-восточных костромских говоров.

В параграфе 1 проводится аналитический обзор работ, посвящённых обоснованию необходимости изучения лексико-семантической системы русских говоров в тесной связи с этнографией; раскрывается сущность

этнолингвистического подхода при изучении диалектной лексики; приводятся примеры из накопленного в диалектологии опыта описания отдельных этнодиалектных образований с учетом особенностей лексики рассматриваемых территорий и на основе противопоставления окружающим ареалам, как по лингвистическим, так и внелингвистическим факторам. На территории Костромской области в рамках данного подхода были выделены и описаны особые этнодиалектные образования – территория в пределах северо-западной части Костромской области (костромской акающий остров) и крайняя юго-западная территориальная единица Костромской области (нерехтская этнодиалектная зона).

Предполагается, что территория северо-восточных костромских земель в районе верхней Унжи также может быть выделена как особое диалектное и этнокультурное образование по многим признакам. Для подтверждения этой гипотезы в параграфе 2 рассматривается ряд источников, способствующих выявлению географических особенностей данной территории, исторических условий формирования в совокупности с её языковой спецификой. Естественно-исторические факторы, среди которых относительно позднее славянское освоение, долгое соседство с иноязычным населением, достаточно сильное влияние со стороны территорий формирования культуры Русского Севера, особенности географического положения, служившего причиной ограниченных контактов населения зауженских деревень с жителями других районов Костромской области, определили этнокультурную и языковую специфику костромских северо-восточных территорий: расположенные здесь говоры в большей мере оказались связанными с вологодскими (новгородскими по происхождению) говорами. С опорой на ряд исследований были установлены лексические маркёры данной зоны. Это, прежде всего, такие словарные лингво-географические ориентиры, выявленные Г. Г. Мельниченко, как: *угородец, творило, понебье, ограда, бурак, пестер, плетушка, рвать* (терebить лён), *лонись, зимусь, баса, галанка, тетива* (стебли картофеля), *оболочка*. С одной стороны, они объединяют северо-восточные костромские говоры с говорами ближайших лексических зон Владимиро-Поволжской и (в большей степени) Вологодской групп, с другой – выявляют этнодиалектную специфику данного региона.

В параграфе 3 представлен перечень используемых в работе основных и дополнительных источников изучения лексики поуженских говоров. Помимо традиционных данных полевого материала, это этнографические тексты, словари, а также произведения художественной литературы, достоверно отражающие различные аспекты культуры, быта и языка

крестьян, живших в верховьях Унжи. Особое место среди них отведено произведениям И. М. Касаткина (1880 — 1938). Высокую оценку его творчеству дали М. Горький, С. Есенин, Л. Клейнборг, В. Казак и др. Критики отмечали умение писателя убедительно показать свою глубокую внутреннюю связь с крестьянской судьбой и подлинное знание крестьянской жизни. Реалистичности и красочности повествования способствуют умело используемые языковые средства родного говора: *Мотри же, сынушко, из избы не убегай* («Нянька»); *Спи, рожоное, спи... окстись и спи... Экая ведь притка, господи Иисусе* («Петрунькина жизнь»); *Поразунай в городу и опиши... Может в спитательный, альбо в учение какое, хоть двоих-то* («Путь-дорога»); *Чуйко, паря, чего я скажу...* («На барках»); *А я-то, окаянный, не утерпел, наперся загодя...* («Силантьево детство»); *Кряжи-ист старик, што и говорить! Лежит теперь, всю долонь жерновом смызнуло, да и бок-от, слышь, помяло...* («Старухи») и др.

Мы склонны интерпретировать произведения И. Касаткина как своего рода документально-художественные очерки конкретной эпохи, написанные свидетелем происходящего, знающим изнутри особенности жизни, культуры, языка отдельно взятого региона, что позволяет рассматривать его творчество как ценнейший источник изучения народно-разговорной лексики поунженских костромских говоров. Особая ценность произведений определяется наличием в текстах лексико-фразеологического материала, не учтённого или слабо представленного в других источниках. К такому пласту лексики относятся диалектная терминология сплавного промысла, прозвищная лексика, речевые формулы народного этикета.

Глава 2 «Специфика лексики северо-восточных костромских говоров (этнолингвистический, структурно-семантический и ареальный аспекты)» содержит два параграфа. В первом параграфе произведения И. Касаткина рассматриваются как источник изучения северо-восточных костромских говоров в этнолингвистическом аспекте. Показано отражение писателем регионального «поунженского» варианта русской этнокультурной специфики посредством лексических данных: образных сравнений, устойчивых сочетаний, коллективных прозвищ.

Этническая самобытность описываемых И. М. Касаткиным мест во многом отражается с помощью использования выразительных средств, содержание которых напрямую связано с обычаями, историей, фактами бытовой культуры поунженского крестьянства. Эталонами сравнения зачастую становятся привычные реалии деревенской жизни. Изобразительность авторской речи усиливается употреблением в составе

образных сравнений диалектизмов: *как воробьи на мякину; как мухи в тенётах; как курочки на нашесть; как надломленные лутюшки; точно в глубокой бочажине тяжёлым боталом ворочал* и др.

Большинство из представленных в рассказах устойчивых выражений отражают важнейшие стороны исторического прошлого крестьян поунженских деревень. Выражение, встретившееся в рассказе «Чудо» – *на другой колодке плетёны* – относится к молодому поколению, которое радикальным образом отличается от стариков. Возникновение фразеологизма связано с распространённым в описываемые времена занятием местного населения – плетением лаптей. Данный промысел способствовал также появлению прозвища жителей Кологривского уезда – *лапотники* [Хробостов: 46].

Выражение *ещё черти в кулачки не бьются* употребляется И. Касаткиным для определения времени суток, в которое должны просыпаться рабочие. Устойчивые выражения *черти в кулачки не бьют* и *ещё черти на кулачки не бьются* в значении «очень рано утром» приводит Большой словарь русских поговорок. Здесь же определяется территория их распространения: Вологодская область, Приамурский край и республика Мордовия, Пермская область соответственно [БСРП: 737].

Без указания на место распространения в Словаре В. Даля фиксируется слово *кулачки*, смысловое содержание которого представлено как «кулачный бой, драка кулаками, для забавы, из молодчества» [Даль: т. 2: с. 180]. Предположить то, что подобные кулачные бои не были редкостью среди жителей северо-востока костромской земли, можно исходя из представленных в СРНГ помет к слову *кулачник* – *Ветл. Костром* – «тот, кто любит драться» [СРНГ: 16: 53]. Кроме того И. М. Касаткин следующим образом описывает развлечения крестьян поунженских деревень: *«Колоколиха шумит и бушует – то удалыми хоровыми песнями, то драками, если не с чужаками, то промеж себя, полюбовно – стенка на стенку»* («На барках»).

Во время драки обычаем является словесная перепалка между задиралами с обеих сторон. Передавая речь соперников, И. Касаткин употребляет выражение *крепи гашинок*: *Крепи гашинок... гашинок крепи, суконная харя! Дух вышибать будем, чё-орт!* («На барках»). Гашинком назывался верёвочный пояс, которым стягивались крестьянские, мужские портки [СРНГ: т. 6: с. 155], [КрКОС: с. 79]. Вероятно, этот пояс очень часто подводил его обладателя. Шутливая насмешка в выражении *крепи гашинок* слышится более отчётливо в народных изречениях, которые приведены в

Словаре В. Даля с пометой «в борьбе»: *и рад бы погнался, да гашиник порвался; рад бы вперёд подался, да гашиник оборвался; и рад бы не поддался, да гашиник оборвался* [Даль: т. 1: с. 327].

Употребляется данное выражение и в другом контексте, где значение фразеологизма схоже с известным в современном русском языке *держи карман [шире]* – «ничего не получишь, не рассчитывай получить» [БСРП: 277]:

- *Што ж, подавай бог всякому.*

- *Подаст, держись... крепи гашиник!* («Силантьево детство»).

В данном случае звучит всё та же ирония, связанная с ненадёжностью данного пояса, поскольку в старину было заведено «прятать деньги в портках, привязывая гаманок [кошелёк] к гашинику» [СРНГ: т. 6: с. 155]. Отсюда и появилось выражение «в загашинике спрятал». Так как верёвочный пояс был сделан из подручного материала плохого качества, в говоре появляется соответствующая ассоциация с его ненадёжностью, которая была положена в основу устойчивого выражения.

В данном параграфе рассматриваются также зафиксированные в рассказе «На барках» коллективные прозвища: *голодранцы, колокольники, лапотники, тамойки*. В них подмечаются отличительные черты ближайших соседей. Они помогают выявить своеобразие восприятия носителями говора своей и чужой территориальной и социальной общности. Например, этноним *тамойки*, высмеивающий непривычный выговор слова *там*, показывает лингвистическую разнородность жителей верховьев Унжи и живущего ниже по течению населения: *Настоящий колокольник всегда заряжен яркой ненавистью к «лешим тамойкам» – мужикам, верховым сгонщикам плотов и барок, перехватывающим работы, на которых выросла Колоколиха и живёт, извёртываясь с хлеба на квас* («На барках»).

Второй параграф данной главы посвящён раскрытию особенностей лексики различных тематических и лексико-грамматических групп в северо-восточных костромских говорах в структурно-семантическом, словообразовательном и ареальном аспектах. Параграф содержит 6 подпараграфов, отражающих лексику по темам: «Сплав», «Народный этикет», «Материальная культура», «Природа», а также прозвищную и служебную лексику.

Одной из главных тем автора является описание жизни и трудовой деятельности сплавщиков леса на Унже, а образ реки как единственно возможного источника заработка проходит красной нитью сквозь многие его рассказы. Стремясь воссоздать картину лесосплава, И. М. Касаткин

привлекает диалектную лексику, отражая специфику профессиональной речи поунженских крестьян: *С богом... выхаживай якорь!*; *Носовые – на гребь, кормовые – травы лота!*; *Подбери левую вожжевую!* Живо-о; *А прошлую весну в три недели слыли путину-то* («На барках»).

Сплавной промысел нашёл отражение в многочисленных номинациях реалий, так или иначе связанных с этим ремеслом. Это названия сплавных судов: *барка, беляна, плот*; частей судна и различных приспособлений на нём: *ворот, вожжевая, гребь, завозня, кнехт, корма, кошма, лот, льяло, причал, шалман, шейма, якорь*; наименования лиц по роду деятельности: *бурлак, караванный приказчик, лоцман, плотовик, плотовщик, сгонщик*; обозначение времени в пути от начальной до конечной станции: *путина, рейса*; глагольная лексика: *бурлачить, выхаживать, затереть, отваливать, распереть, срезать, учалить*; наименования прибрежных объектов: *затон, клетка*.

Контексты произведений И. М. Касаткина способствуют восстановлению важных звеньев лексико-семантической системы профессионального языка, выявлению особенностей функционирования диалектной лексики, объединённой тематикой сплавного промысла. Лингвистическая информативность и документальная точность в описании многих событий даёт возможность уточнить семантику и географию многих диалектных терминов (*бурлак, вожжевая, шейма, гребь, льяло* и др.); составить некоторые представления о происхождении слов (*бурлак, путина, кошма* и др.); выявить и описать лексику, отсутствующую в диалектных словарях (*шалман*).

Всё многообразие отношений между персонажами показано в обращениях, имеющих выраженную национальную и региональную специфику. Это обращения к группе людей: *православные, мир честной*; к группе мужчин: *братчики, робята, ребя, дяденьки*; к незнакомому мужчине, старшему по возрасту: *дядя, дядёк, дядюш, дедо, дедко, дедуш*; к близкому по возрасту мужчине: *брат, братчик, братец, братан*; к младшему по возрасту а) мужчине: *молодчик, милачок, милай, мил человек, паря, парь, родимец, рожоньй*; б) женщине: *деваха, молодка, писаная*; вежливое обращение к отцу: *тятя, тятя, тятенька*; к матери: *мамынька, мамонька*; ласковое обращение к ребёнку: *сынушко, дитятко моё рожоное, рожоньй*; свату: *сватко, сватушко*; бранное обращение к ребёнку: *пацёнок*.

Стремясь наиболее реалистично передать особенности народной речи, И. М. Касаткин отражает многие фонетические и грамматические явления (*робята, мамынька, милай* и др.). Среди обращений, обозначающих лиц

мужского пола, велика доля апеллятивов с конечным формантом *-(к)о* (*сынушко, дедко, сватко, сватушко*). Выделяются также особые усечённые формы терминов родства в функции обращения (*дядюш, дедуш*). Раскрывая историю появления подобного рода вокативов (типа *пап, мам* и т.п.) в современном русском языке, М. А. Даниэль приходит к выводу, что они имели диалектный источник [Даниэль: 243]. Однако усечение слов в говоре не останавливается на чистой основе.

Обращениями к молодым людям служат лексемы *парь (паря), ребя*. Данная особенность речи костромичей подмечена коллективным прозвищем *пари*, которым прозывались жители городов Буй и Галич «от обычного обращения *парь*, т.е. *парень*» [Воронцова 2011: 250]. Также В. Даль приводит присловье, относящееся к жителям г. Галич, где высмеиваются характерные черты речи, в числе которых и указанное обращение: *Що, парь, Галуныки* [Даль1: 1: 420]. Данные полевых исследований показывают актуальность обращения *парь* и в настоящее время в Кологривском, Макарьевском, Мантуровском, Нейском, Павинском и Судиславском районах. Однако теперь данная лексема является универсальным обращением к собеседнику и, потеряв связь с мотивирующим словом, употребляется также по отношению к женщинам: *Ты, парь, меня не обманывай, какая ты после этого подруга!* [КрКОС: 243].

Многие из представленных в рассказах обращений фиксируются Картошкой КОС в функции номинатива. Произведения И. М. Касаткина раскрывают вокативный потенциал представленных слов в поунженских костромских говорах, показывая ситуации их возможного употребления в речи, что даёт представление об уникальности речевого поведения отдельной этнокультурной общности в различных коммуникативных ситуациях.

При описании жизни крестьян И. Касаткин воспроизводит множество деталей деревенского быта, употребляя большое количество соответствующей данной территории лексики материальной культуры. Для обозначения крестьянской жилой постройки И. Касаткин использует несколько названий: *изба, избушка, хата, дом, хоромы, пятиоконка, хибарка, притулье*, каждое из которых имеет свой набор семантических компонентов и употребляется применительно к постройкам различного качества. Широко представлена лексика, обозначающая надворные постройки. Это помещения для скота (*двор, хлев (клев), хлевушок, клеть*), для различных хозяйственных надобностей (*амбар, амбарушка, овин, сенница*) и др.

Лексика, обозначающая домашнюю утварь, представлена в произведениях И. Касаткина следующими наименованиями: *кухонная*

посуда: *кринка/крынка, черепя*; столовая, чайная посуда: *солоница, самовар*; кадки, бочки: *окорёнок, бочонок, бурак*; посуда для различных хозяйственных надобностей: *корчага; подоиница*; кухонная утварь: *пест, помело, коптюшка*; подвижная мебель: *поставец, зыбка, дерюжина*; корзины: *пестер, плетушка*. Сравнение с материалами полевых записей показало хорошую сохранность данных лексем на рассматриваемой территории. Однако иногда, приспосабливаясь под нужды современного быта, они претерпевают небольшие семантические изменения. Обращение к лексике материальной культуры, извлечённой из произведений писателя, показывает генетическую связь говоров междуручья с говорами Русского Севера и центральными говорами. Лексика включает в себя как исконно русские образования, так и заимствования из исчезнувших финно-угорских языков.

Лексика природы представлена следующими группами слов. Растительный мир: *чапыга, чапыжник; глушь, глушина, чацуга; бурелом, буреломник, буреломина, буревал; выскирь; сухара, сухарина, сухостоина; можжевель; берёзовица; смолина, смолевина; польнок*. Животный мир: *ведьмедь; ведьмедьца; рогач; матка; телок, телёнок; животина, скотина; лягуха*. Ландшафт (рельеф, почвы, водоемы): *взгорок, увал; опеицина; материк; вражок, котловица; жеделяга, болото, болотина, болотице; затон; бочажина, омутице; калужина*. Метеорологические явления. Астрономия. Календарь: *ведренная погода; закружевель, закужлевель; закужлеветь; сиверко*. Части суток: *ободнять; сутемки*.

Большинство наименований образовано суффиксальным способом с помощью различных формантов (-ин-, -ник-, -ок-, -уг-, -иц-, -яг-, -иц- и др.). Автор отражает характерное для говоров большое количество разносуффиксальных производных слов одного корня. Морфемы при этом зачастую не несут дополнительного смыслового значения. Такая особенность диалектной системы, заключающаяся в интенсивном варьировании слов, тенденции к полинонии, не раз отмечалась диалектологами. Отмечена высокая продуктивность образований на -ин-(а) (*бочажина, водоёмина, сухарина, глушина* и др.). Интересен данный суффикс тем, что имеет ряд специфических значений, привносимых в слово. Так, например, слова с суффиксом -ин- приобретают некое значение конкретности, подчеркивания значимости определённого свойства у называемой реалии (Ср.: *Начинаясь в березовых молодняках болотной котловины, широкая просека трубой хлестнула в лесную глушь, прямая, как стрела («Лесосека»); И, дескать, есть примета: той лесной глушиной, где ребята дозрят, как раз и*

ударился большой отряд неприятеля («Вражья сила»). Слова с суффиксом -ин-, образованные от основ, обозначающих природные объекты, называют траву по месту её произрастания: лесина, болотина.

Достоверно отображая живую народную речь в различных коммуникативных ситуациях, И. Касаткин не только обильно представляет костромскую областную лексику, но и передаёт многие особенности грамматического и синтаксического строя говоров. Последние передаются, прежде всего, через употребление в речи героев специфических по своему составу, семантике и функциям служебных частей речи (союзов: *аки, али, аль, альбо, альни, инда, ежели, коли, поколь, покель, ровно, ровно бы*; частиц: *аль, быдто, -де, -ко, -кось, коли не, неужто, -от, -ту, токмо*; предлогов: *по, окромя, округ, супротив*). Многие из них являются арханческими образованиями – партикулярными кластерами, сформировавшимися способом агглютинации древних первоэлементов-партикул. Как отмечают исследователи [Яцкевич 2013], [Гусева], в отличие от литературного языка, где на современном этапе присутствует небольшое количество партикулярных лексем (так называемое «архаическое ядро»), в диалектной речи подобные образования хорошо сохраняются и приумножаются наращиванием новых элементов. В диалогах героев отражаются особенности функционирования служебных частей речи в диалекте. Фраза может завершаться самостоятельными частицами (*неужели, не токмо*). Здесь И. М. Касаткин подметил ту особенность диалектного синтаксиса, когда частица способна передавать смысл «скрытой строки» и контекстный отрезок после неё не является обязательным. Отмечены писателем также функциональные особенности употребления предлогов: передача временных отношений предлогом *о*: *О первую пору оно малое выходило, с горошину* («Старинушка»); употребление предлога *по* в объектно-целевых конструкциях в сочетании как с неодушевлёнными, так и с одушевлёнными существительными: *А в ней прописано, что я обязан явиться по свою супругу и по новорожденных, значит...* («Мужик»); *Еще, помню, мальчонкой с баткой по рыбу ездил...* («С докукой»).

Глава 3 «Лексика поунженского края материалов И. М. Касаткина и её лексикографическое отражение» посвящена рассмотрению лексики в качестве материала для лексикографического описания поунженских костромских говоров. В первом параграфе данной главы представлен обзор различных по содержанию и принципам обработки материала диалектных словарей, проанализированы и обобщены выработанные к настоящему времени основные принципы лексикографического описания диалектного

материала, а также рассмотрены пути решения некоторых проблем, с которыми сталкиваются исследователи при разработке диалектных словарей дифференциального типа.

Возрастающий в настоящее время интерес диалектологов к материалам художественных текстов находит отражение в создании особого типа словарей, находящихся на стыке диалектной и авторской лексикографии. Акцент в них ставится на отражении сквозь призму авторских текстов этнокультурной специфики русского языка в одном из его территориальных вариантов. В качестве примеров словарей такого типа можно привести «Мир орловского крестьянина в лексикографическом представлении (на материале произведений И. Вольнова)» [Бахвалова], «Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е. В. Честнякова» [Ганцовская], «Народное слово в произведениях В. И. Белова» [Яцкевич]. В таких диалектных авторских словарях гармонично сочетается ценность областного словаря, который, представляя наиболее типичную лексику определённой территории, помогает выявить её специфику и типологические черты, с информативностью словаря литературного языка, позволяющего во всей полноте раскрыть значения и оттенки лексических единиц, передать культурно-исторический и этнографический фон, а также с преимуществами словаря личности диалектоносителя, способного со своей точки зрения представить речевые особенности региона.

Во втором параграфе показана широта и многогранность лексических данных рассказов И. Касаткина, всесторонне отражающих языковую специфику костромских поунженских говоров. На страницах рассказов мы встречаем предметную и не предметную диалектную лексику различной частеречной принадлежности, передающую колорит речи поунженского крестьянина: служебные слова и знаменательную нарицательную лексику широкого тематического диапазона, охватывающего всевозможные аспекты внеязыковой действительности: природа; человек; трудовая деятельность; материальная культура; питание; пути сообщения, транспортные средства. Чрезвычайно разнообразна в произведениях диалектная глагольная лексика: *гваздать, зачалиться, лотошить, надьяволивать, уковыривать, управить, страцивать, болботать, жикать, скрыхтать, чухфыркинуть, шеберстить, шумургать, шумаркать, прилыскать, блазнить, гамить, гугорить, гоститься, домекнуться, чують* и др. Также широко и семантически разнопланово представлены в текстах диалектные имена прилагательные (*дрюхлый, заколобелый, заскороблый, можжешушный, муравчатый, мякинный, ржавчатый, склизлый, смёрзлый, чиклявенький* и др.) и наречия (*взараз, где-*

нито, давеча, жальливо, загодя, зараз, куда-нито, накруг, на-тло, нонче, однова, онамедни, теперич, уважисто, ужо и др.).

В текстах произведений И. Касаткина нашли отражение системные связи лексем, проявляющиеся в отношениях синонимии (*наглохтаться – набузычиться ‘напиться допьяна’; облаживать – навастривать ‘приводить в надлежащий вид’; ободнять – рассвететь ‘рассветать’; позвонок – ширкунец ‘бубенчик, колоколец’ и др.*), антонимии (*дом – избушка; взгорок – вражок; рожоное – пащёнок; материк – рыхлянка и др.*), полисемии (*аховый – ‘плохой, дурной, никуда не годный’; ‘сильный, крепкий’; большак – ‘хозяйин дома, глава семьи’, ‘большая проезжая дорога, тракт’; буде – ‘хватит, достаточно’, ‘может быть, пожалуй’*); лексического варьирования (*буреломина – буреломник; до повиданья – до увиданья; ихний – иховый; намедни – онамедни; сумленье – сумнение; чапыжник – чапышник; шубник – шубняк*), мотивировочных отношениях (*печь – подпечек, печурка; баять – частобай – частобайный; харч – харчик, прохарчиться; лес – лесина, лесовица, леший, лешак, лецуга и др.*).

Раскрываются в материалах И. Касаткина и характерные слово- и формообразовательные модели поунженских говоров. Так, например, упоминается существование в говорах древней формы образования множественного числа существительных, обозначающих предметы в большом количестве на *-ja* (*волосья, дырья, черетья и др.*); раскрываются особенности диалектного словообразования глаголов: тенденция к обязательному формальному выражению видовых различий, образование видового коррелята с использованием иных, чем в литературном языке, средств (*обделать, обжидать, обзариться, облаживать, обсказать, смучить, спознать, споймать, спокигуть*).

Документально точное воссоздание картин жизни поунженских крестьян отражается не только в использовании характерной нарицательной лексики региона, но и передаче особенностей функционирования личных имён собственных: *Ганька, Епишка, Костюнька, Левон, Левонтий, Фонасий, Гараська, Гришук, Моська, Ося, Силашка, Фетинья* др.; прозвищ: *Богова Дылда, Гнузд, Скворчик, Челиза, Пыжик, Уключка, Шитик, Вавилыха, Тыриха, Жучиха, Кабачиха* (многие прозвища содержат забытые или диалектные корни, что позволяет реконструировать значительный пласт нарицательной лексики); устойчивых выражений: *бог на помочь; ещё черти в кулачки не бьются; всем не уедно; крепи гашиник; медвежьим ладом; на другой колодке плетёны; одна назола; один разор; пришло узло к гузну; не рука; рука в руку; разлили-малина; почём сотня гребёшки и др.*

Подобная лингвистическая энциклопедичность и точная передача диалектных особенностей поунженской речи позволяет говорить о произведениях И. Касаткина как о материале, способном стать основой для лексикографического моделирования системы северо-восточных поунженских костромских говоров. Нами были разработаны и представлены приёмы словарной обработки текстов И. Касаткина и принципы составления диалектного авторского словаря, которые характеризуются разносторонностью анализа материала исследования (лингвистического, ареального, этимологического, этнографического). Фрагмент словаря в отрезке лексем, начинающихся на буквы А и Б приводится в Приложении II данного диссертационного исследования.

В заключении подводятся общие итоги и формулируются перспективы дальнейшего исследования.

Совокупность нескольких взаимосвязанных факторов, в числе которых: географический, климатический, хозяйственный, исторический, демографический, этнографический и языковой (в том числе и лексический), позволяет выделить территорию северо-восточных костромских земель в районе верхней Унжи как особую диалектную и этнокультурную зону. Не представляя резкого контраста с говорами окружающих территорий, северо-восточные поунженские костромские говоры обнаруживают ряд отличий на различных уровнях языковой системы. По классификации Г. Г. Мельниченко лексика говоров исследуемой нами территории входит в состав VII лексической зоны. Тематика лексики, её состав и семантика, связанные с природно-климатическими, историческими и этнографическими особенностями территории, определяют её специфику.

Изучение лексических особенностей любого говора является наиболее эффективным при привлечении разнообразного рода источников и обширных контекстов, содержащих достоверную информацию как языкового, так и экстралингвистического характера. Большим потенциалом в этом плане обладают тексты произведений художественной литературы. В отношении костромских северо-восточных говоров таким источником с уверенностью можно назвать рассказы И. М. Касаткина. Достоверно отображая живую народную речь в естественных ситуациях общения на ярком культурно-этнографическом фоне, автор не только обильно представляет костромскую областную лексику, но и передаёт многие особенности грамматического и синтаксического строя говоров, специфику диалектного словообразования рассматриваемой территории. Особенно ценным является лексический материал, который в силу различных причин, оказался слабо отражён в других источниках.

Исследование показало, что связанная с традиционным хозяйственным укладом лексика достаточно устойчива и слова, обозначающие ушедшие из бытования реалии, зачастую не исчезают из языка, а, приспособившаяся под современные нужды, приобретают более обобщённые значения.

При обращении к лексике, извлечённой из произведений писателя в совокупности с материалами полевых исследований, прослеживается более тесная генетическая связь северо-восточных костромских говоров с архаичными говорами Русского Севера, нежели с центральными говорами. Лексика включает в себя как исконно русские образования, так и заимствования, что даёт определённую информацию об этнических, культурных и языковых процессах на данной территории. Результаты исследования показали, что на фоне костромских говоров, находящихся западнее и южнее, склонных к развитию среднерусских черт, верхнеунженские говоры более консервативны, сохраняют многие особенности древнерусского языка, архаические элементы. Рассматриваемая лексика, по данным словарей, имеет связи, в основном, с севернорусскими говорами вологодско-вятской группы, многие линии связей тянутся на север и северо-восток. Учитывая лексические данные, верхнеунженские костромские говоры (главным образом на территории современных Межевского и Кологривского районов Костромской области), можно квалифицировать как типично севернорусские, консервативные, имеющие яркие черты говоров периферийного типа. По многим признакам они тяготеют к говорам северной и северо-восточной зоны по классификации ДЧ'64 [Русская диалектология 1964: 245-268]; вологодско-вятского диалектного типа (групп С211, С2Р1, С2РР) по классификации Н. Н. Пшеничновой [Пшеничнова: 88-110, 186-189].

Не вызывает сомнения, что одним из лучших способов фиксации лексических особенностей определённой территории является словарь. Реалистически точная передача поунженской речи в произведениях И. Касаткина, тематическое и частеречное разнообразие и разнотипность лексики, отражение её системных связей даёт основание говорить о его творческом наследии как о достойном материале для лексикографирования. Также важным представляется картографирование выявленных в ходе исследования лексико-семантических и грамматических данных, которое пока осталось за пределами задач настоящего исследования. В дальнейшем на материале произведений И. Касаткина планируется создание Словаря поунженских костромских говоров; составление словарных статей для Костромского областного словаря; разработка карт для ЛАРНГ. Изучение лексики верхнеунженских говоров будет продолжено как в плане

расширения объекта и предмета исследования за счёт привлечения новых данных в ходе полевых наблюдений и использования новых письменных источников, так и за счёт углубления исследования в сравнительно-историческом, лингво-географическом и ареально-типологическом направлениях. Предпочтение будет отдаваться проблемам изучения лексики материальной культуры края, его ремёсел, промыслов, пищи и транспорта и т.д. в аспекте проблем Программы ЛАРНГ и целостного изучения костромских говоров для создания Костромского областного словаря.

Основное содержание диссертации отражено в следующих научных публикациях автора:

*Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК
Министерства науки и высшего образования Российской Федерации*

1. *Окуловская, С. В.* Произведения И.М. Касаткина как источник изучения диалектной лексики Верхнего Поунжья (этнолингвистический аспект) / С. В. Окуловская // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова, 2016. – № 4. – С. 137-140.
2. *Окуловская, С. В.* Служебная лексика в поунженских говорах (на материале произведений И.М. Касаткина) / С. В. Окуловская // Вестник КГУ. – Кострома: Изд-во КГУ, 2017. – № 1. – С. 166-169.
3. *Окуловская, С. В.* Лексика материальной культуры костромского края в текстах произведений И. Касаткина («Домашняя утварь») / С. В. Окуловская // Вестник КГУ. – Кострома: Изд-во КГУ, 2017. – Специальный выпуск. – С. 135-137.
4. *Окуловская, С. В.* Лексика говоров поунженского края в интерпретации И. М. Касаткина и её лексикографическое отражение / С. В. Окуловская // Вестник КГУ. – Кострома: Изд-во КГУ, 2018. – №3. – С. 205-211.

*Статьи в сборниках трудов и материалов научных конференций
и других научных изданиях*

5. *Окуловская, С. В.* Костромская лексика по теме «Пути сообщения, транспортные средства» на материале произведений И.М. Касаткина как источник ЛАРНГ // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009. – СПб.: Наука, 2009. – С. 230-236.

6. *Окуловская, С. В.* Диалектная лексика тематической группы «Сплав» в костромских говорах (на материале произведений И. М. Касаткина) // Русские народные говоры: прошлое и настоящее (сборник материалов и исследований всероссийской научно-практической конференции). – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – С. 365-370.

7. *Окуловская, С. В.* Специфика восприятия «чужого» в речи поуниженского крестьянства (на материале произведений И.М. Касаткина) // «Свое» и «чужое» в культуре: материалы X Международной научной конференции. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015. – С. 110-114.

8. *Окуловская, С. В.* Прозвищная лексика в поуниженских говорах (на материале произведений И.М. Касаткина) // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования. – Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2016. – С. 268-271.

9. *Окуловская, С. В.* Лексика народного этикета в поуниженских говорах (на материале произведений И.М. Касаткина) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016. – СПб.: Нестор-История, 2016. – С. 399-407.

10. *Окуловская, С. В.* Названия крестьянских построек в говорах междуручья Унжи и Ветлуги в аспекте тематики ЛАРНГ (на материале произведений И.М. Касаткина) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017. – СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 444-452.

Окуловская Светлана Владимировна

**ЛЕКСИКА ВЕРХНЕУНЖЕНСКИХ КОСТРОМСКИХ ГОВОРОВ
В АСПЕКТЕ ЕЁ ЭТНОДИАЛЕКТНЫХ
И СИСТЕМНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ
(на материале произведений И. М. Касаткина и живых говоров)**

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 25.12.2018.
Бумага для множительной техники.
Уч. печ. л. 1,5. Тираж 100 экз.
Заказ. № 178

Отпечатано:
Салон оперативной печати «GUT» ИП Ульрих С.А.
г.Кострома, ул. Щемиловка д. 15 т. 8-915-929-02-22
e-mail: gud-poly@yandex.ru